

Д. А. Бажанов

(студент Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена)
Научный руководитель
к. и. н. А. Б. Николаев

Dmitry A. Bazhanov

Уже более 80 лет минуло с тех пор, как русский флот вступил в новую фазу своей истории, которую, как и само это время, можно назвать смутой. Именно то, что произошло в эти дни в Гельсингфорсе — главной базе Балтийского флота ярче всего символизирует начало трагедии русского флота.

1-я бригада линейных кораблей была главным ударным соединением Балтийского флота для отражения возможных атак немецких кораблей на столицу. Именно на кораблях этого боевого соединения особенно ревностно следили за дисциплиной, подготовкой экипажей в техническом отношении, но и его не обошли стороной события, сыгравшие роковую роль для Российской империи, хотя внешне в первые дни беспорядков это никак не проявлялось. Порядок жизни на кораблях до 28 февраля 1917 г. не отличался от обычного: корабли готовились к началу новой боевой кампании, на них проводились учения и тренировки по радиотелеграфированию и сигналопроизводству, осуществлялись повседневные судовые работы.

Но в последних числах февраля в Гельсингфорсе

1-Я БРИГАДА ЛИНЕЙНЫХ КОРАБЛЕЙ БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА В ДНИ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Copyright © 1999, Д. А. Бажанов

В данной статье автор ставит перед собой цель объективно описать события, происходившие с 28 февраля по 4 марта на 1-й бригаде линейных кораблей Балтийского флота. Достижение поставленной цели возможно благодаря подробному и последовательному отслеживанию всех действий командования и экипажей бригады в означенный промежуток времени. А также благодаря рассмотрению настроения команд кораблей в начале волнений и его трансформации вплоть до кульминационной точки — ночи с 3 на 4 марта. В целях создания более полной картины автор показывает влияние событий Февральской революции на дальнейшее состояние Балтийского флота.

В статье использованы как мемуары, так и обширные архивные материалы, которые позволяют говорить о достоверности представленной картины. Приведены как мнения очевидцев событий, так и выводы самого автора. В целом, данная статья, хотя и претендует на научность, не изобилует сложными терминами и понятиями, а потому легка для восприятия ■

The First Battleship Brigade of the Baltic Navy during February Revolution

The aim of the article is to give an objective description of the events which took place between February 28 and March 4 in the First Battleship Brigade of the Baltic Navy. This goal can be achieved through careful studying of all the command's and the crews' actions within the mentioned period. The crews' mood at the beginning of the disorder and its transformation up to the Culmination point, which is the night from 3 to 4 of March, is also described. To make the whole picture more comprehensive the author shows the influence of the February Revolution on the later condition of the Baltic Navy.

Both memories and wide, range achieves materials are used in the article which makes it possible to describe the resulting picture as a true one. The witnesses' opinions are mentioned as well as the author's conclusions. On the whole, the article, although pretending to be scientific, is not overloaded with complicated terms and is, therefore, easy to understand ■

из Петрограда “стали доходить чрезвычайно тревожные слухи. Они говорили о каком-то перевороте, об отречении государя... Наконец, железнодорожное сообщение с Петроградом прервалось. Всякие слухи прекратились, и дальнейшие сведения стали поступать только через штаб флота...”¹

Но даже при такой скудной информации, поступавшей к офицерам кораблей, матросы, по-видимому, получали её в таких же, если не в больших количествах. И этого хватало для всевозможных слухов, о чём свидетельствуют падение дисциплины на кораблях, в том числе и на линейных кораблях 1-й бригады к 28 февраля. Так, на “Севастополе” в этот день (ещё до объявления телеграммы о беспорядках в столице) матросы Б. П. Ченцов и П. А. Кириллин отказались повиноваться приказу офицера. Когда же они были арестованы и посажены под замок, то принялись... танцевать, причём видели это и часовой и караульный унтер-офицер, которые не только не приняли мер к прекращению подобного поведения, но и поощряли их всевозможными выкриками².

Такое неопределенное положение не могло продолжаться долго, угрожая вылиться в открытое неповиновение. Понимали это и в штабе бригады, и в штабе флота. Поэтому с раннего утра 28 февраля командующий флотом вице-адмирал А. И. Непенин начал объезжать корабли, стоявшие на рейде. Первым стал “Петропавловск”, куда он прибыл в 9 час. 10 мин. утра.³ Был сыгран “большой сбор”. Когда команда была построена, Адриан Иванович обратился к матросам и офицерам с речью о положении в столице, о беспорядках, имевших место, о возможности внезапного нападения со стороны немцев. Свою речь он завершил призывом к спокойствию, нормальному несению службы и повышенной дисциплине. Затем, в 9 час. 50 мин., командующий отбыл на флагманский крейсер 2-й бригады, которая тоже находилась в Гельсингфорсе, “Россию”⁴.

Почти тотчас же поступил следующий приказ из штаба:

“Бригада переходит на восьмичасовую готовность. Поэтому:

1. Увольнения команды на берег не позднее, чем до семи часов вечера. С нетчиков строжайше взыскивать.
2. На каждом корабле иметь вооружённый взвод из 24-х человек при 2 унтер-офицерах и офицере, пулемет.
3. Усилить вахтенную, караульную и палубную службы.
4. Офицерам увольнения запрещаются.
5. После семи часов нижних чинов разрешается посылать в город только по служебной необходимости.
6. Усилить надзор за мастеровыми и посторонними лицами.
7. Офицерам иметь при себе электрические фонари и прочее.
8. О малейших недоразумениях сообщать адмиралу днём и ночью.
9. Все распоряжения из Ставки Верховного Главнокомандующего будут немедленно сообщаться командам.
10. В первые же дни (марта — Б. Д.) произвести тревоги...”⁵.

Для ознакомления с этим приказом на “Петропавловск” были вызваны командиры “Севастополя” (капитан 1-го ранга П. П. Владиславлев), “Полтавы” (капитан 1-го ранга С. В. Зарубаев) и “Гангута” (капитан 1-го ранга П. П. Палецкий). Совещание начальника бригады контр-адмирала М. К. Бахирева и командиров кораблей длилось, если верить флагманскому историческому журналу бригады⁶, с 10 до 10 час. 35 мин. Потом они разъехались по своим кораблям. По данным вахтенных журналов кораблей приказ и обращение адмирала были объявлены командам с 11 час. 20 мин. (на “Севастополе”) по 11 час. 35 мин. (на “Гангуте”)⁷. Данных по “Полтаве” не имеется, но там объявление прошло, по всей видимости, в те же сроки.

Цель приказа в контексте происходивших событий, на мой взгляд, достаточно ясна. Во-первых, предполагалось таким образом подтянуть дисциплину среди команд. Во-вторых, с помощью этого приказа у командиров кораблей были развязаны руки в отношении присутствия на корабле “посторонних”, которые при приведении корабля в боевую готовность были просто обязаны покинуть его. В-третьих, присутствие на кораблях вооружённых взводов могло помочь в случае попытки вооружённого мятежа на корабле (видимо, обстановка на кораблях уже достаточно накалилась). Наконец, в-четвёртых, ограничение пребывания матросов на берегу должно было, по-видимому, уменьшить возможности общения их с “нежелательным элементом” — солдатами и рабочими. Ограничение свободного времени путём проведения учебных боевых тревог имело ту же цель.

Но была и ещё одна трудность. Совершенно необходимым в такой обстановке являлась сообщение командам текущей обстановки в государстве. Поэтому вечером того же 28 февраля в штаб 1-й бригады присылается следующая телеграмма от командующего флотом:

*“Телеграмма
командующего флотом Балтийского моря
начальникам отдельных частей*

от 28 февраля 1917 года.

*Предписываю объявить командам:
Последние дни в Петрограде произошла забастовка и беспорядки на почве недостатка пищи и подозрения некоторых лиц в измене, чем могло быть нарушено доведение войны до победы. Произошли перемены в составе Совета Министров, который принимает меры к прекращению беспорядков и подвозу необходимых продуктов. Объявляю об этом командам, чтобы они узнали об этом от меня, а не из посторонних рук. Требую полного усиления боевой готовности, ибо возможно, что неприятель, получив преувеличенные сведения о беспорядках, попытается тем или иным путём воспользоваться положением.*

№228/оп

Подписал: вице-адмирал Непенин”⁸.

Около 11 часов утра на другой день М. К. Бахирев был срочно вызван на “Кречет” в штаб флота⁹. Оказалось, что незадолго перед тем командующий флотом получил телеграмму от председателя Государственной думы М. В. Родзянко, в которой сообщалось, что восстание в Петрограде разрастается с каждой минутой, правительство уже не в состоянии что-либо сделать и что Государственная Дума, чтобы предотвратить возможные бедствия, образовала Временный комитет, который и взял власть в свои руки. В силу создавшегося положения М. В. Родзянко просил Непенина дать незамедлительный ответ, признаёт ли он полномочия Временного комитета? После долгих раздумий Адриан Иванович послал

утвердительный ответ. Об этом он и хотел объявить, когда приглашал к себе начальника 1-й бригады и других флагманов. После этого командующий добавил, что если кто-то не согласен с подобным решением, то он просит зайти потом к нему в каюту. Это и сделал М. К. Бахирев, который заявил, что остаётся верен присяге императору, а потому не считает возможным продолжать службу, и просил освободить его от занимаемой должности. А. И. Непенин с трудом уговорил Михаила Коронатовича продолжить службу хотя бы до конца войны¹⁰. Не исключено, что при этом А. И. Непенин спас жизнь не одного офицера, который мог бы быть убит на кораблях 1-й бригады (особенно на "Петропавловске"), если бы не действия начальника бригады, оставшегося на своём посту.

После этого М. К. Бахирев возвратился на "Петропавловск" и пригласил к себе командиров всех кораблей бригады, сообщив им о состоявшемся совещании флагманов, а также о своей позиции. Затем им было предложено начать проводить с личным составом учебное отражение боевой тревоги, что должно было предотвратить шатание без дела. С этим и разошлись. Весь остаток дня был посвящен проверке боевого расписания (на "Севастополе" и "Петропавловске" успели провести и учебное отражение пожарной тревоги). Никаких тревожных событий на линкорах не зафиксировано. Вечером на кораблях был зачитан приказ командующего флотом №156, где сообщалось о вышеупомянутой телеграмме председателя Государственной Думы и ответ на неё командующего, с тем, чтобы ещё больше успокоить нижние чины¹¹.

2 марта на "Петропавловске" было проведено ещё одно совещание, в котором участвовали сам начальник 1-й бригады линейных кораблей, его штаб и командиры судов бригады: капитан 1 ранга П. П. Владиславлев, капитан 1 ранга С. В. Зарубаев, капитан 1 ранга П. П. Палецкий. Капитан 1 ранга М. А. Беренс, недавно вступивший в командование "Петропавловском", был отправлен в командировку в Петроград, поэтому его заменял старший офицер корабля — старший лейтенант барон Н. К. Зальца¹².

Сама частота этих совещаний (раньше они проводились по данным флагманского исторического журнала, не чаще раза в неделю) говорит, вероятно, во-первых, о всё же неспокойной обстановке в "низах" и, во-вторых, о неусыпном внимании командования к делам на кораблях, что, возможно, впоследствии и позволило избежать такого поворота событий, как на 2-й бригаде линейных кораблей, где, при всём желании, я не смог обнаружить ни малейшего упоминания о подобных совещаниях. Особо хотелось бы выделить в такой обстановке поведение командира "Гангута". Капитан 1 ранга П. П. Палецкий единственный из четырёх командиров кораблей в 3 часа пополудни этого же дня провёл большой сбор команды и объявил о положении в тылу, а также и о крови, пролитой 1 марта в Кронштадте¹³. Кажется вполне возможным, что это и предопределило в какой-то мере ту сравнительную лёгкость, с которой удалось подавить мятежные настроения команды "Гангута" в ночь с 3 на 4 марта.

Тем не менее, положение, видимо, было далеко от очень спокойного, о чём говорит и данная телеграмма командующего флотом, объявленная на всех кораблях:

**"Телеграмма
командующего флотом Балтийского моря
начальникам отдельных частей**

от 2 марта 1917 года.

Приказываю поддерживать Исполнительный Комитет Государственной Думы, о чём донёс в Ставку для доклада Государю Императору.

Это же приказываю объявить населению и рабочим.

№258/оп

Подписал: вице-адмирал Непенин".¹⁴

Командующий упорно искал пути к успокоению. Это тем более нужно, что матросам уже стало известно о событиях в Кронштадте (по сообщению Д. И. Иванова, на "Гангуте" об этом ещё узнали вечером 1 марта¹⁵). В Ревеле ситуация уже вышла из-под контроля командования, когда матросы крейсера "Олег" присоединились к шествию рабочих, а затем разгромили тюрьму "Толстая Маргарита". Естественно, что в штабе не могли об этом не знать.

3 марта случились два события, взорвавшие хрупкое равновесие и в Гельсингфорсе. Во-первых, рано утром был получен текст Манифеста Николая II о передаче прав на трон Михаилу Александровичу и о назначении великого князя Николая Николаевича главнокомандующим. Возможно, что А. И. Непенин, верный своему принципу сообщать командам кораблей все новости почти незамедлительно, собирался поступить аналогичным образом и в данном случае. Почему он этого не сделал, сказать точно нельзя. Б. П. Дудоров, к примеру, утверждает в своей книге, что из Петрограда пришло указание обождать. К сожалению, документальных подтверждений этому обнаружить не удалось. Так или иначе, но это промедление, вне всякого сомнения, оказало большое влияние на последующие события. Такой вариант предвидели в штабе 1-й бригады линейных кораблей, поэтому Михаил Коронатович Бахирев в течение каких-то 2,5 часов созвал сразу два совещания командиров судов бригады. На них он изложил своё мнение об этом, но заключил, что нужно подчиняться приказам командования¹⁶. Драгоценное время уходило.

Днём, наконец, было решено объявить о деятельности Временного комитета Государственной Думы. Чуть позднее объявили и об образовании Временного правительства (нового кабинета министров). Об отречении Николая II всё ещё молчали.

К этому следует добавить ещё одно обстоятельство — знаменитый Приказ №1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, вводивший выборность органов власти в армии и на флоте. Именно днём 3 марта на кораблях стала просачиваться информация об этом приказе. И вполне ло-

гично, что этим мастерски воспользовались агитаторы. Можно согласиться с мнением Д. И. Иванова, что "это и решило судьбу флота"¹⁷. Теперь, конечно же, можно было обвинять своих командиров и офицеров, что они злодейски скрывают от своих экипажей правду. Но в оправдание командования Балтийского флота можно сказать, что оно, похоже, вообще не знало в тот момент о Приказе №1 Петроградского Совета. На эту мысль наводят мемуары Г. К. Графа, Б. П. Дудорова и заметки офицеров штаба командующего флотом (князя М. Б. Черкаского, Ф. Ю. Довконта), где о таком Приказе ни словом не упоминается. Так что нет ничего удивительного в том, что командование ничего не сообщило нижним чинам об этом, — оно просто не могло этого сделать. Об образовании же Петроградского Совета командование не сообщало, чтобы не вызвать лишнего "брожения умов".

Небезынтересен, на мой взгляд, вопрос о влиянии большевиков на ситуацию на кораблях 1-й бригады вообще и на происшедшее на них в ночь с 3 на 4 марта в частности. Нет никаких сомнений в том, что на всех четырёх дредноутах 1-й бригады матросы-большевики были. Это было характерно для многих кораблей русского флота с начала войны, ибо возрастало число призывавшихся на службу рабочих, так как на судах очень были нужны люди, умеющие разбираться со сложной техникой. Следствием этого являлось увеличение числа рабочих в матросской среде до 51%¹⁸.

С другой стороны, на дредноутах зорко следили за матросскими настроениями, особенно тех, кто в силу разных причин находился под подозрением. Подтверждением этого может служить хотя бы тот факт, что после бунта на "Гангуте" были арестованы многие матросы-большевики, в том числе В. Ф. Полукин (фактический руководитель матросского кружка на "Гангуте"), П. А. Мазуров, И. П. Ерофеев, И. А. Андрианов и другие, не принимавшие, по сути, в беспорядках никакого участия. Вследствие этого на "Гангуте" (как, по всей вероятности, и на других кораблях бригады) большевики принимали повышенные меры предосторожности, о чём вспоминал и Д. И. Иванов.¹⁹

О численности кружков дают некоторые представления воспоминания того же Д. И. Иванова, писавшего, что в организацию на линейном корабле "Гангут" "входило вместе с сочувствующими не менее 50 человек"²⁰. Говоря "не менее", Иванов пытался, по всей видимости, поднять значимость этой цифры, но при этом необходимо учитывать, что общая численность экипажа достигала к 1917 году тысячи двухсот человек. К тому же в эти пятьдесят человек включены и сочувствующие, то есть люди, возможно, и не разделяющие целиком и полностью эти взгляды. Можно также отметить, что, по признанию того же Иванова, организация эта была социал-демократической, имея лишь "большевистское направление"²¹, что тоже указывает на её не 100-процентный большевистский состав. А ведь "Гангут" до лета 1917 года — это самый "большевизированный" корабль.

К тому же определённо имела место и разоб-

щённость между кружками различных кораблей, которая начала было преодолеваться в первые месяцы 1916 года, когда членам кружков с линкоров 2-й бригады удалось наладить контакты с большевистской организацией в Кронштадте. Но попытка расширить эти связи, распространить их и на 1-ю бригаду, в том числе провалилась очень быстро: 23 февраля 1916 года связной — матрос с линейного корабля "Цесаревич" — А. М. Брендин был арестован. Вслед за этим была произведена ещё серия арестов в Гельсингфорсе, Кронштадте, Петербурге в результате чего так называемый Главный судовой коллектив РСДРП пострадал серьёзнейшим образом. С кораблей 1-й бригады были арестованы четыре человека: матросы "Петропавловска" Варюхин и Хрулёв, "Полтавы" — Муралов, "Гангута" — Попов. В октябре они были осуждены²². О тяжёлой ситуации, сложившейся для кружков на дредноутах, говорит такая фраза матроса Б. Г. Лемехова, брошенная им уже после Февральской революции: "Довольно по угольным ямам прятаться... Людей надо собирать и разъяснять, что к чему"²³. А бояться, как уже говорилось выше, причины были. "Ряд арестов конца декабря 1915 года, — признавал В. Н. Залеский, — почти полностью изъясил наличный состав Петроградского Комитета того времени, а также наиболее видных работников главного коллектива в Кронштадте и Гельсингфорсе"²⁴. Несколько хуже обстояло дело на кораблях 2-й бригады линкоров, особенно на "Императоре Павле I" и "Андрее Первозванном", на которых матросов-большевиков и им сочувствующих было достаточно много (например, к концу марта большевистская секция "Павла" насчитывала около 500 человек, т. е. около 50% экипажа, а на "Гангуте", а он считался наиболее большевизировавшимся кораблём 1-й бригады, 300 человек, т. е. 25% экипажа)²⁵; итогом чему и стала пролитая на кораблях этого соединения кровь.

Вне всякого сомнения, матросам-большевикам было известно о появлении Приказа №1 Петроградского Совета, и они могли использовать этот Приказ для агитации на кораблях. Однако, их агитация, по-видимому, не возымела большого действия, о чём говорит пассивное поведение команд дредноутов в начале ночных событий.

Где-то между 3 и 4 часами пополудни 3 марта в Свеаборге состоялось совещание большевиков армии и флота, на котором "было достигнуто соглашение о совместных действиях команд флота и солдат крепости"²⁶. Однако версия о запланированности выступления матросов не может считаться бесспорной. О том, что это выступление было спонтанным свидетельствует дневниковая запись машинного унтер-офицера миноносца №215 И. В. Свищулёва: "В 5 час. был на митинге за Петроградским мостом, на котором вынесено решение о восстании флота ввиду неосведомленности о происходящих событиях в Петрограде... Восстание назначено в 7 час. утра 4 марта. В 8 час. вечера 3 марта получено сообщение о вспыхнувшем восстании на броненосце "Андрей Первозванный"²⁷. О том, что матросы с линкоров 1-й бригады либо не присутствовали на упоминаемом митинге вообще, либо не знали о

вынесенном там решении, косвенно свидетельствует и Д. И. Иванов, который пишет, что с началом стрельбы на "Андрея Первозванном" и "Императоре Павле I" матросы дредноутов "высыпали на палубу и глазели на корабли 2-й бригады"²⁸.

Можно говорить о том, что решение А. И. Непенина на свой страх и риск объявить на кораблях об отречении императора и о назначении нового главнокомандующего мало что изменило — матросы знали об этом. Следовательно, что-то изменить, исправить было уже слишком поздно.

Где-то около 5 часов пополудни М. К. Бахирев получил приказ из штаба флота огласить текст отречения. В 5 часов он вызывает третье по счёту за этот день совещание командиров судов бригады, на котором и объявляет о приказе командующего флотом. В 5 час. 20 мин. совещание окончилось, командиры разъехались по кораблям. Матросы бригады официально узнали обо всём не позднее, чем через 25 минут после окончания совещания. По данным вахтенных журналов на "Гангуте" это произошло в 5 час. 45 мин. пополудни, на "Севастополе" — в 5 час. 40 мин. на "Петропавловске" — в 5 час. 30 мин.²⁹ Тот факт, что Д. И. Иванов, служивший на "Гангуте" ни словом не обмолвился об этом, говорит, что, по-видимому, команда и так всё знала. А Г. К. Граф так прямо и пишет: "Акт об отречении наша команда приняла спокойно, и на меня произвело впечатление, что она уже была знакома с ним"³⁰. Об этом же косвенно свидетельствует и командир "Андрея Первозванного" капитан I ранга Г. О. Гадд: "Через 2 дня (3 марта — Д. Б.) был получен акт государя императора и объявлен команде. Все эти известия она приняла спокойно"³¹. Именно такие "спокойные" команды с линкоров 2-й бригады и начали кровопролитие. В 7 час. 10 мин. вечера "Император Павел I" и "Андрей Первозванный" подняли боевые (т. е. красные — Д. Б.) флаги, на них были слышны выстрелы и крики "ура". На обоих кораблях башни с орудиями главного калибра развернулись в сторону линкоров 1-й бригады. Вскоре подняла боевой флаг и "Слава"³². С берега тоже доносилась пулемётная и орудийная стрельба. Командиры кораблей везде действовали практически одинаково: они вместе с офицерами выходили на верхнюю палубу к команде и пытались её уговаривать, убеждать не делать глупостей и успокоиться. Вот что, к примеру, сказал своим матросам командир "Гангута" капитан I ранга П. П. Палецкий: "Матросы! Вам известно, что император Николай II отрёкся от престола... Революция, о которой мечтал народ, свершилась. Разрешаю поднять боевой флаг и зажечь красные огни. Предлагаю разойтись поротно и приступить к выборам ротных и судовых комитетов, на которые возлагается наведение дисциплины и порядка на корабле. Имейте в виду, что это очень ответственное дело"³³. Этим, как абсолютно правильно заметил Иванов, он "охладил революционный пыл команды и спас офицеров от ареста, а некоторых — от расправы"³⁴. Команда занялась делом, и об аресте, бунте пока особо больше никто не думал. На "Петропавловске", "Полтаве" и "Севастополе" дело дальше уговоров "поберечься" не

шло, а потому нет ничего удивительного, что там ситуация была гораздо напряжённее. Один за другим, словно возвещая о капитуляции начальствующего состава, зажглись красные клотиковые огни на мачтах линейных кораблей 1-й бригады. Сначала это сделал, как уже говорилось выше, "Гангут", затем — "Севастополь", далее "Полтава". Дольше всех держался "Петропавловск", где переговоры с командой вёл очень популярный и уважаемый в их среде начальник 1-й бригады контр-адмирал М. К. Бахирев. Он, уступив команде, послал на корабли 2-й бригады своего флаг-офицера лейтенанта Ф. И. Тимофеевского, чтобы тот узнал в чём дело (с тем же поручением был послан с "Гангута" и лейтенант М. В. Королёв, который, впрочем, был встречен сильным ружейным огнём и вернулся). Тимофеевский вернулся, сообщив, что команда "Славы" беспокоится из-за присутствия на корабле арестованных: бывшего финляндского генерал-губернатора Ф. Зейна и бывшего председателя финляндского Сената тайного советника С. Боровитинова, которые были помещены на "Славу" по приказанию командующего флотом. И вот команда "Славы" потребовала удаления с корабля этих лиц, так как матросы с "Андрея" и "Павла" издевались над "Славой", называя её плавающей тюрьмой и требуя убить Зейна и Боровитинова с угрозой открыть в противном случае огонь по "Славе" и потопить её (интересный способ убеждать и вести за собой массы продемонстрировали матросы с "каторжной бригады", что, по-видимому, может говорить лишь о том, как мало было поначалу сторонников мятежа). Начальник 1-й бригады пытался использовать это обстоятельство и стал убеждать матросов с новой силой, что всё вот-вот окончится³⁵.

В это время с "Павла" стали сигнализировать клотиком на корабли 1-й бригады: "Расправляйтесь с неугодными офицерами, у нас офицеры арестованы"³⁶. Этот сигнал возымел своё действие: на "Петропавловске" к примеру, были ранены в голову лейтенант В. И. Славинский и А. М. Римский-Корсаков сброшенным на них тяжёлым грузом³⁷. Команда стала вести себя угрожающе. Подобным образом события развивались и на "Севастополе"³⁸. На "Полтаве" же матросы разоружили всех офицеров, а четверо попытавшихся оказать сопротивление были вдобавок заперты в своих каютах³⁹. Но хочется отметить, что при всём том, матросы явно не собирались убивать их, что имело место на "Андрея" и "Павле".

По приказанию М. К. Бахирева о сигнале с "Павла" по телефону сообщили в штаб флота, на что командующий предложил действовать по усмотрению. Это говорило, что инициатива командованием, к несчастью, была упущена полностью. О крайней растерянности А. И. Непенина свидетельствует и его приказ, переданный на все корабли по телефону, выбрать от каждого корабля по два человека и направить к нему⁴⁰. Тем самым командующий, по всей вероятности, собирался получить хоть какие-то сведения о положении дел на судах, наметить вместе с делегатами дальнейший план действий и через них попытаться снова как-то овладеть ситу-

ацией. С этой же целью в Петроград была направлена юзограмма с просьбой о разговоре с кем-нибудь из министров Временного правительства, желательно с А. Ф. Керенским⁴¹.

Около 9 часов к "Петропавловску", "Севастополю" и "Полтаве" (депутаты от "Гангута" были выбраны раньше и к этому времени ушли) стали подходить кучки матросов. На вопрос, кто они такие, они отвечали, что они — депутаты с кораблей 2-й бригады, выбранные идти к командующему флотом и депутаты, идущие по кораблям "чтобы корабли не стреляли"⁴². Этот удивительный на первый взгляд ответ имел под собой серьёзные опасения матросов "Андрея", "Павла" и "Славы", как бы командующий флотом не привёл в исполнение своей угрозы утопить бунтарей, произнесённой им на "Гангуте" при вступлении в должность. Действительно по воспоминаниям флаг-офицера оперативного отдела штаба флота лейтенанта Ф. Ю. Довконта, Адриан Иванович, едва узнав о бунте на линейных кораблях 2-й бригады, приказал дать диспозицию флоту на рейде. "Адмирал смотрел углы обстрела. Задумался и произнёс: "Нет, я русской крови не пролью"⁴³. Вряд ли это была только слабость. Вернее всего, что командующий ещё и отлично осознавал, что 1-я бригада линейных кораблей — единственная сила, способная подавить бунт — могла и не подчиниться. А тогда могли пролиться реки офицерской крови и на кораблях 1-й бригады. И исправить это не смогла бы даже популярность её начальника.

В начале десятого депутаты от "Петропавловска", которые задержались дольше других, присоединились, наконец, к остальным⁴⁴. Но это промедление привело лишь к тому, что команда флагманского линкора стала требовать разоружения офицеров. Уговоры уже не действовали, да к тому же среди матросов появились люди с винтовками, отобранными у боевого взвода. Видя такой неблагоприятный поворот дела, М. К. Бахирев был вынужден отдать приказ о передаче офицерского оружия старшему офицеру, исполнявшему обязанности командира корабля, чтобы тот поместил его в адмиральский салон⁴⁵.

Спустя же каких-нибудь три четверти часа на кораблях началась паника: прокатился слух, что депутаты, отправившиеся к командующему флотом, арестованы, а к кораблям направлены солдаты Свеаборгского гарнизона. В этом действия матросов 1-й бригады мало отличались от действий экипажей других кораблей: они требовали выдачи трубок для снарядов противоминного калибра (120 мм). И командиры всех линейных кораблей, опасаясь кровопролития, были вынуждены согласиться на выдачу трубок⁴⁶. Лишь на "Петропавловске" М. К. Бахирев и барон Н. К. Зальца настояли, чтобы эти трубки хранились в каюте старшего офицера⁴⁷ на "Гангуте" же П. П. Палецкий взял слово с судового комитета ничего не предпринимать без его согласия⁴⁸.

Но всё же страхи рассеялись, когда от командующего флотом вернулись депутаты, имевшие телеграфную беседу с А. Ф. Керенским, который потребовал слова, что кровь офицеров перестанет лить-

ся, говорил об офицерах как о борцах за свободу наравне с матросами. Около полуночи переговоры с новым министром юстиции окончились, и А. И. Непенин велел им возвращаться, сказав, что переговоры будут продолжены на другой день в столлярной мастерской Свеаборгского порта⁴⁹.

По-видимому, от своих депутатов матросы 2-й бригады линейных кораблей и узнали о благополучном для офицеров положении на кораблях 1-й бригады. Так или иначе, но именно после возвращения депутации с "Кречета" большая толпа матросов "Андрея Первозванного" и "Императора Павла I" двинулась к "Петропавловску" и "Севастополю". И команды этих линейных кораблей пустили к себе вооружённых матросов 2-й бригады⁵⁰. Понятно, что после этого агитация против офицеров усилилась, и, как следствие, вскоре офицеры сначала "Севастополя", а затем и "Петропавловска" были собраны в кают-компаниях и заперты там, оказавшись фактически на положении арестованных⁵¹. На "Полтаве" же офицеры и вовсе были разведены по своим каютам с приставлением к ним часовых⁵². Лишь на "Гангуте" эта агитация не имела успеха, так как Палецкий действовал в полном согласии с судовым комитетом, выборы которого он же санкционировал⁵³. Таким образом, дальновидные действия командира "Гангута" и в этом случае сыграли положительную роль. На остальных же линейных кораблях 1-й бригады на свободе остались лишь командиры (т. е. капитан I ранга С. В. Зарубаев на "Полтаве", капитан I ранга П. П. Владиславлев на "Севастополе", старший лейтенант барон Н. К. Зальца на "Петропавловске"), штаб начальника 1-й бригады и сам начальник 1-й бригады. Такое положение сохранялось до утра 4 марта⁵⁴.

Утром 4 марта в городе началась демонстрация, поэтому с 9 часов в город потянулись кучки матросов с красными флагами (главным образом со 2-й бригады линкоров, где какое-либо командование отсутствовало, так как накануне ночью начальник бригады контр-адмирал А. К. Небольсин был убит, а практически все офицеры находились под арестом). Они звали команды судов 1-й бригады присоединиться, но офицеры, освобождённые под утро (кроме тех четырёх офицеров с "Полтавы", которые пытались сопротивляться), где уговорили, а где и потребовали у них без разрешения командующего флотом кораблей не покидать. Около 11 часов из штаба флота пришло сообщение, что около часа дня ожидается прибытие в Гельсингфорс поезда с депутатами Государственной думы Ф. И. Родичевым и М. И. Скобелевым. Также командующий сообщил лично, что считает желательным и, более того, необходимым присутствие офицеров на митинге⁵⁵, посвящённом прибытию этих депутатов. После этого многие матросы и офицеры с линейных кораблей 1-й бригады ушли в город.

Около 12 часов к "Петропавловску" подъехал автомобиль с тремя вооружёнными матросами, которые заявили, что прибыли за М. К. Бахиревым, которого якобы, просит на манифестацию народ и выбранный народом новый командующий флотом вице-адмирал А. М. Максимов, чтобы "назначить

его начальником Минной обороны (Рижского залива — Д. Б.)⁵⁶. Михаил Коронатович вышел к ним и ответил на это, что без приказа министра Временного правительства А. И. Гучкова и командующего флотом А. И. Непенина он никуда не поедет⁵⁷. Это в тот день, вероятно, спасло начальнику 1-й бригады линейных кораблей жизнь, так как через некоторое время эти же люди вместе с другими матросами отправились на "Кречет" и вынудили А. И. Непенина, опасавшегося, что в противном случае матросы ворвутся на штабное судно и растащат шифры, карты и бумаги, идти с ними⁵⁸, а затем, во втором часу дня в воротах Свеаборгского порта Адриан Иванович Непенин был застрелен неизвестным матросом. Сторожевой обход с линейного корабля "Полтава" (дежурный линкор 1-й бригады в тот день) лишь чуть-чуть опоздал. Вот как описал это происшествие его командир, инженер-механик "Полтавы" лейтенант В. П. Волхонский: "Подходя к берегу, но, к несчастью, находясь ещё в 10 минутах ходьбы от берега, я услышал выстрелы и увидел заминку в воротах порта. Это было убийство незабвенного Адриана Ивановича. Не зная ещё об этом, мы все тут же ускорили шаг, но помешать уже не могли. Придя мы на несколько минут раньше, мы помешали бы этому убийству..."⁵⁹ Остаётся лишь сожалеть, что этого не случилось.

Существует несколько версий относительно мотивов убийства А. И. Непенина и лиц, его совершивших. Г. К. Граф высказывает предположение, что это были матросы, "избравшие" вице-адмирала А. М. Максимова на должность командующего Балтийским флотом и опасавшиеся, что подобный "выбор" не будет одобрен Временным правительством (в частности, новым военным и морским министром А. И. Гучковым). При этом Граф утверждает, что якобы на ленточке бескозырки убийцы была надпись "Гангут"⁶⁰. Ему оппонирует Б. П. Дудоров, который передаёт разговор с вторым артиллеристом "Гангута" старшим лейтенантом Г. С. Серебренниковым, вестовой которого матрос И. М. Безрукавников от имени всей команды заверял его в непричастности экипажа к убийству. Он, в свою очередь, полагает, что убийство командующего — дело рук германской разведки, заинтересованной в развале организации Балтийского флота⁶¹. Есть и третья версия, высказанная В. Ю. Грибовским в комментариях к мемуарам Г. К. Графа⁶². Он высказывает мнение, что вице-адмирал А. И. Непенин был убит анархистами (одним из убийц он называет матроса Береговой минной роты П. А. Грудачёва, конвоировавшего адмирала). Однако нужно заметить, что догадки эти на сегодняшний день не доказаны, а потому автор не берётся утверждать правильность какой-либо из них. Тем не менее, следует отметить, что убийство А. И. Непенина было одним из первых шагов к развалу дисциплины на Балтийском флоте в общем и на 1-й бригаде линейных кораблей в частности.

Таким образом, коротко обобщая события, происходившие на кораблях 1-й бригады с 28 февраля по 4 марта 1917 года, можно отметить следующее. Во-первых, благодаря быстрому сообщению обо всех происшествиях в Петрограде, адмиралу А. И. Непе-

нину удавалось удерживать ситуацию под контролем, но затягивание сообщения об отречении Николая, которое, было санкционировано из Петрограда, привело к усиленному распространению экипажей. Во-вторых, эта агитация и пропаганда не имели на кораблях 1-й бригады такой силы и успеха, так как матросов-агитаторов на них было меньше, да и не пользовались они таким влиянием и такой популярностью, о чём свидетельствует хотя бы строжайшая конспирация матросов-большевиков на "Гангуте". В-третьих, отсутствие кровопролития на 1-й бригаде можно объяснить и грамотными действиями её начальника контр-адмирала М. К. Бахирева, который как сумел на проводимых совещаниях донести до командиров кораблей всю сложность складывающейся ситуации, так и во время ночных событий 3-4 марта сделал всё от него зависящее, чтобы предотвратить анархию и убийства офицеров на флагманском "Петропавловске". Особо хотелось бы отметить линию поведения, избранную командиром "Гангута" капитаном 1 ранга П. П. Палеским, который несколько раз сам рассказывал команде о положении дел (к примеру за сутки до трагедии, 2 марта), а с началом волнений он сразу же пошёл навстречу желаниям и чаяниям команды и предложил начать выборы в судовой комитет, чем спас своих офицеров от ареста. На других же кораблях командиры ограничились уговорами команды успокоиться, что, естественно, в конечном счете, не помогло. Лишь на "Петропавловске" Бахиреву в силу его авторитета и популярности, возможно, удалось бы уговорить и сдержать команду, но под давлением матросов, подстрекаемых моряками со 2-й бригады, он был вынужден отступить. К тому же следует признать, что не последнюю роль в бескровном развитии событий играл тот факт, что офицеры и не пытались сопротивляться и прибегать к оружию. Мы видели, к чему привела попытка такого сопротивления на "Полтаве", так что можно утверждать, что подобные действия на других кораблях были бы обречены на провал и могли бы привести к бессмысленной бойне (нечто подобное и случилось на "Андрее Первозванном" и, особенно, на "Императоре Павле I"). В-четвёртых, (и по вышеизложенной причине тоже) офицеры 1-й бригады были выпущены гораздо раньше, чем это случилось на 2-й бригаде (на 1-й бригаде — под утро 4 марта, на 2-й после уговоров депутатов Ф. И. Родичева и М. В. Скобелева во второй половине дня 4 марта), что говорит об эффективности и авторитете командования этими соединениями, а также о более высоком уровне дисциплины на этих кораблях.

В любом случае вышеописанные события на кораблях 1-й бригады явились той точкой, с которой можно начинать рассматривать процесс развала Балтийского флота, ставшего очевидным с весны 1918 года. Это видно по тем изменениям в жизни команд, которые произошли уже в марте 1917 года. Во-первых, становятся частыми различного рода митинги, связанные с прибытием различных делегаций на корабли бригады, а также манифестации, проходившие в городе⁶³. Это не могло отрицательно

не сказаться на количестве, а главное — на качестве производимых судовых работ (случай на "Гангуте" 20 марта)⁶⁴. Во-вторых, появляются и начинают действовать судовые комитеты, в самом начале ориентированные на согласованную работу с корабельным начальством, но со второй половины месяца начинающие потихоньку, явно под воздействием левеющих настроений экипажей, действовать без учёта реальной обстановки, что проявилось, к примеру, в деле офицеров "Гангута", участвовавших в подавлении беспорядков в 1915 году⁶⁵. В то же время на судовые комитеты бригады начинают влиять постановления Соединённого комитета 2-й бригады, принятые на первом его съезде 14-18 марта⁶⁶, свидетельством чего является использование данных постановлений в качестве образца для выборов своих комитетов, организации их структуры и определения функций. В-третьих, начинается "ведение счётов" с офицерами и унтер-офицерами, выразившееся в требованиях смещения их со своих должностей⁶⁷. Что, впрочем, происходило не в таких больших количествах, как на 2-й бригаде. Наконец, с первых дней наблюдается падение дисциплины, проявившееся в случаях дезертирства и неявки к месту службы вовремя из отпусков. Этому в не малой степени способствовали и меры, разрушавшие атрибутику и символы старой службы (снятие погон у офицеров, разрешение не ходить на молитву, не отдавать честь офицерам и т.п.)⁶⁸ и не дававшее ничего взамен, а также принятие необученных новичков.

Примечания

¹ Граф К. На Новике. СПб., 1996, С. 249-250.

² Российский государственный архив военно-морского флота. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. ЛЛ. 56-57.

³ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 215.

⁴ Там же. Л. 216.

⁵ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 36.

⁶ Там же. Л. 36 об.

⁷ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 219; Д. 9. Л. 204.

⁸ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 37а.

⁹ Там же. Л. 38.

¹⁰ Дудоров Б. П. Адмирал Непенин. СПб., 1993, С. 221.

¹¹ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 38; Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 221; Д. 9. Л. 205.

¹² Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 39.

¹³ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 9. Л. 222.

¹⁴ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 38б.

¹⁵ Иванов Д. И. Я — матрос "Гангута"! М., 1987, С. 75.

¹⁶ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 39.

¹⁷ Иванов Д. И. Указ. соч. С. 77.

¹⁸ Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Л., 1969, С. 81.

¹⁹ См.: Иванов Д. И. Указ. соч. С. 41.

²⁰ Там же. С. 65.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 60.

²³ Там же. С. 81.

²⁴ Залежский В. Н. Борьба за Балтийский флот. М.; Л., 1925, С. 8.

²⁵ Иванов Д. И. Указ. соч. С. 83.

²⁶ РГАВМФ. Ф. 402. Оп. 2., Д. 130, Л. 26.

²⁷ Цит. по: Дубровская Е. Ю. Гельсингфорсский Совет депутатов армии, флота и рабочих (март-октябрь 1917 г.). Петро-заводск, 1992, С. 24.

²⁸ Иванов Д. И. Указ. соч. С. 77.

²⁹ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 40; Ф. 870. Оп. 6. Д. 9. Л. 214; Д. 1. Л. 223; Д. 15. Л. 225.

³⁰ Граф Г. К. Указ. соч. С. 255.

³¹ Цит. по: Граф К. Г. Указ. соч. С. 269.

³² РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 226.

³³ Иванов Д. И. Указ. соч. С. 78.

³⁴ Там же. С. 79.

³⁵ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41; Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 227; Д. 9. Л. 215; Иванов Д. И. Указ. соч. С. 77.

³⁶ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 226.

³⁹ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 43.

⁴⁰ Дудоров Б. П. Указ. соч. С. 222.

⁴¹ РГАВМФ. Ф. 760. Оп. 1. Д. 12. Л. 5-6; Иванов Д. И. Указ. соч. С. 78.

⁴² РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41 об.

⁴³ Дудоров Б. П. Указ. соч. С. 224.

⁴⁴ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41.

⁴⁵ Там же. Л. 42.

⁴⁶ Там же. Л. 42 об.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Иванов Д. И. Указ. соч. С. 78.

⁴⁹ РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 41, Ф. 743. Оп. 1. Д. 68. Л. 14, Ф. 759. Оп. 2. Д. 4. Л. 17.

⁵⁰ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 42-42об.

⁵¹ Там же. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1. Л. 227.

⁵² Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158. Л. 45.

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же. Л. 44.

⁵⁶ Там же. Л. 43.

⁵⁷ Там же. Л. 46.

⁵⁸ Дудоров Б. П. Указ. соч. С. 227-228.

⁵⁹ Цит. по: там же. С. 226.

⁶⁰ Граф Г. К. Указ. соч. С. 263.

⁶¹ Дудоров Б. П. Указ. соч. С. 228.

⁶² См.: Граф Г. К. Указ. соч. С. 456.

⁶³ РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15. Л. 225; Д. 9. Л. 223; Д. 1. Л. 220.

⁶⁴ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 234.

⁶⁵ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 233.

⁶⁶ Там же. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 102; р-852. Оп. 1. Д. 48.

⁶⁷ Там же. Ф. 477. Оп. 1. Д. 233.

⁶⁸ Там же. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148. Л. 61; Ф. 743. Оп. 1. Д. 67. Л. 21.

■ Статья поступила в редакцию 20 октября 1999 года